

Царь-девица

Старик пошел стреляться. Ему в этот день ничего не удалось. Он домой пошел — птичка сидит несъедобная. — «А чем мне даром домой идти, дай я ее застрелю!» — Приносит домой; старуха ругать: «На что ты птицу такую застрелил, несъедобную?!» — Старик птичку взял, на базар понес продавать. Купец видит, подгáркал к себе его, говорит: «Продай эту мне птичку!» — Потом рассмотрел купец: под правым крылом написано у этой птички: кто головку съест, так будет царём, а кто сердце вынет из нее и съест, тот будет князём. Купец ему сначала дает сто рублей за эту птичку. Старик думает, что над ним смеются. — «Ну, что же, купец, да ты делом давай! По крайней мере не смейся надо мною!» — Тот ему двести рублей. — «Да ты что надо мной смеешься? Ты делом давай!» — Купец и думает: «Что уж его обижать! Получи, — говорит, — старик, триста рублей!» (А птичка всего с кулак.) — «Ну, давай деньги!» — Получил двести рублей; у купца ста рублей не хватает. — «Погоди, я к другу в лавку схожу, займу». — Купец ушел, а старик домой убежал — чтобы не отобрал он двести рублей. Купец — как знать, он где живет — запер лавку, понес остальные деньги старику. Купец идет; старик испужался: «Куды, старуха, спрятаться?» — «Спрячься в гóлбец» (под пол, значит). — Старик сидит там, а купец приходит, Богу помолился, поздоровался: «Где, старуха, у тебя старичок?» — «Конечно, у него одно ремесло, пошел стреляться». — «Он недополучил от меня сто рублей. Как теперь?» — «Передай мне; я передам ему». — «Да ладно, не обмани, старуха!» — Передал старухе, ушел домой. Старуха говорит: «Ну, старый пес, вылезай!..» И сделались они рады этим деньгам.

А у купца жена худыми делами занималась (б...а). Купец приносит повечеру эту птичку своей жене и говорит, что «прибери ее на место; когда я ее прикажу тебе зажарить, тогда ты мне ее зажарь!» — Поутру чаю напился купец, ушел в лавку торговать. Купец уходит, гулеван к ней приходит. Она для гулевана самоварчик поставила и говорит: «У меня есть такая птичка, — не угодно ли тебе ее зажарить?» — «Принеси, я погляжу эту птичку! Какая эта птичка?» — Тулеван рассмотрел под правым крылом надпись... Она живо повару передает: «Поскорее зажарь эту птичку!» Он живо очаг затопляет и птичку изготавливает — зажарил ее в масле очень хорошо. Стал повар на тарелку класть... А у купца было два сына. Большак и говорит: «Повар, — говорит, — дай мне эту птичку, я люблю головки есть!» А

меньшой говорит: «Когда ему головку дал, дай мне сердце!» Детям и достается. Купчиха притащила ему эту самую птичку. Гулеван смотрит: сердца и головки нет. И говорит: «Что я люблю, а того нету!» Посылает купчиху повара спросить, кто это мог съесть эту штуку — головку и сердце? Купчиха спрашивает повара. — «Большой сын головку съел, а меньшой — сердце». — Купчиха гулевану обратилась и говорит: «Это мои дети съели».

Гулевая на то сказал: «Если ты зарежешь своих детей, зажаришь, то я до той степени стану тебя любить, что меры нет!» — \ Купчиха приходит к повару и говорит: «Не пожалей моих детей — зарежь и зажарь их!» — Повар начал точить ножи, а большак и говорит: «Это к чему ты, повар, нож точишь?» — «Мать приказала вас заколоть и изжарить». — «Чем нас колоть (за то ты будешь отвечать), мы уйдем и домой не придем!» (Они были, стало быть, большие уже.)

Они собрались очень скоро, оба отправились. Ушли очень далёко, а хлеба с собой мало взяли — обессилели. Приходят к такой горе. Большак и говорит: «Брат, залезем на эту гору — не увидим ли где селения? Мы с тобой оголожали, есть нечего!» — Меньшой остался под горой, а большак залез на гору. И видит с горы большак такой город: много народу вышло на площадь. А в этом городе, значит, царь помер, и они царя выбирали. И они то удумали: поставили свечку — перед которым загорит свеча (сам от себя, когда он подойдет), тот и будет царь. И сколько бы из них ни подходило, ни перед кем не горит. Из них один увидал такого человека на горе — и сдумали за ним ехать. Приезжают на гору. Мальчик стоит, поздоровался с мужичком. Мужичок говорит: «Поедем со мной!» — «Я голоден!» — Засовался в карман, нашел крендель, подал мальчику, посадил его и увез. Подвозит его; подходит он к этой свече — свеча перед ним загорела. (Птичка-та доказывает.) Они скричали все: «Ура! Быть тебе царем над нами!» — «Господа! Когда вы меня поставили царем, у меня брат есть, под горой стоит; съездите за ним! Он голоден ». — Разыскали и его, привезли. Большак сказал: «Вот, — говорит, — брат, я теперь наступил царём, а тебе быть передо мной князём!»

И вот они пожили эдак года с два — и сделалось брату его еще недовольно, что князём быть. — «Брат, — говорит, — пусти еще меня по белому свету погулять!» — «Неужели ты этим недоволен? Голоду разе не видал?» — Большак не мог его переспорить; приказал накласть ему сухарей в котомку — приготовить в отправку. Покуль приготовление было, он все шел; потом припасы вышли, он обессилел, сел под древо. А на этом древе ягоды

хорошие. — «Дай-ка я с голоду закушу хоть ягод! Мне не лучше ли будет?» — Искусил нижнюю ягоду, вдруг он поглядел на себя — поседел, стариком стал. Съел он вторую — оказались у него горбá и рога у́ лбу; подобие на дьявола похож. Свалился, лежит под этим деревом.

И вдруг прилетают две птички, садятся на это дерево. Одна птичка и говорит: «Вот ведь молодец, — говорит, — свалился! Если бы он знал достать верхнюю ягоду — он бы такой молодец стал, лучше старого!» — А другая и говорит: «Это ему еще недовольно; если бы он знал, подошел к ентому дубу; дуб этот сворачивается, — говорит, — а под дубом лежит чугунная плита, а под плитой ковёр-самолёт и золотая кисть; кистью этой он может орудовать уже всё!» — Достал он верхнюю ягоду, съел — и стал молодец лучше старого: здрел бы, глядел, с очей не спускал. А птички улетели с древа.

Потом он пошел, начал сворачивать дуб. Своротил дуб, отворотил чугунную плиту — и действительно, достал ковёр-самолёт и золотую кисть. Разостлал ковёр-самолёт и сказал: «Лети, ковёр-самолёт, в то государство, где царь-девица живет!» (Царством правит она сама, девица.) — Прилетает в его государство. — «Ковёр-самолёт, остановись!» — Собрал его под пазуху и идет городом. Доходит до пятистенного домику, заходит в этот дом. Живет в этом доме одна старушка. Старушка все равно как ему мать родная показалась, увидела его — обрадовалась. — «Вижу я, что ты с голоду; остановись у меня, и пообедай, и ночку переночуй! Пущай у тебя ноги отдохнут!» — Ночь приходит. Ужином она его накормила. Он и разостлался на лавочку: одну половину ковра-самолёта постлал под себя, а другú развесил.

Огни взяли люди (в потёмках) — прибыла к ней, к старушке, царь-девица. — «Ах, бабушка, гость-от у тебя хороший! Поставь-ка мне свечу, я буду списывать ковёр-самолёт!» (Срисовывать.) Срисовала этот ковёр-самолёт и говорит: «Ты, бабушка, на суточки еще его уговори! Я тебе втрое за это заплачу». — Переночевал ночку, Старуха утром приготовила ему завтрак хорошей и говорит ему: «Ты, милый друг, поживи у меня! Пущай у тебя отдохнут ноги!» — «Я подождать — поживу! У меня платить тебе нечем, — сказал молодец, — бабушка!» — «Ну, я не нуждаюсь твоим деньгам, только ты поживи со мной — мне веселее!» — До вечера доживает. Старуха и говорит: «Батюшка, — говорит, — на которой лежал (спал) половине (ковра-самолета), ту развесь, а которая на стене была (срисована), на ту ляжь!» — Утром старуха опять ему завтрак изготвила, как требно быть, накормила, и он день опять ходит. Вечером накормила и говорит: «Ты вот что, батюшка!

Тебе на лавке тесно, ты на пол расстелись, по крайней мере, поворачивайся и все!» — Как он разостлал, уснул — царь-девица прибыла к нему опять. — «Ах, — говорит, — я края списала, — говорит, — а середку не видала». — Она начала потихоньку его содвигать и содвигать и содвинула его с ковра-самолёта, молодца этого. Царь-девица взяла завернула тогда этот ковер-самолёт, вышла на крыльцо, стала на него и говорит: «Ковер-самолёт, лети прямо в мои палаты!» (В мой дом.)

Поутру́ молодёц проснулся, хватился: под ним ковра-самолёта нет! И сел он на лавку, повесил голову. Старуха идет с улицы, увидала, что он кручинный. — «Что ты, батюшка, невесёлый?» — «В чужом месте я обокраден!.. Ну, бабушка, мне теперь рассчитаться нечем! Прощай!» — «Ну, ступай, дитятко, куды знаешь теперь!» (Не нужен и старухе стал.)

«Что делать? Когда она меня этак обызъянила, мне надо воротиться к этому дереву!» (Где ягоды он ел.) — Пришел к дереву, набрал этих трех сортов ягод (одна старая ягода, другая с горбами, а третья — молодцом быть). Явился он в этот город, где царь-девица. У царь-девицы есть ключ; служанка пошла за водой в этот ключ. Молодец усмотрел ее — увидал, что она идет, побежал напред, спустил хорошую ягоду сначала. Поддевает девица — оказалась в ведре ягода. Служанка эту ягоду съела, ей приятно сделалось; приходит — царь-девица ее не узнала, что она больно хороша сделалась, и спрашивает ее: «Умница ты, — говорит, — чья?» — «Что вы, — говорит, — царь-девица? Я, — говорит, — ваша служанка!» — «А отчего ты сделалась хорошей?» — «А вот, — говорит, — царь-девица, я пошла на ключ, попала мне такая ягода — я съела ее и сделалась потом хороша». — Царь-девица посылает ее во второй раз: «Ступай-ка! Не подденешь ли мне?» — Служанка идет; молодец увидал, что она идет, побежал вперед, спустил две ягоды враз. Поддевает служанка не одну, а две ягоды. — «Чё желала, так то и получила, — говорит, — видно!» — Приносит, передает царь-девице: «Вот, — говорит, — я тебе поддела две ягоды!» — Царь-девица приказала ей самовар поставить; «С чаем я, — говорит, — буду пить, так тогда буду и есть». — Перед чаем съела царь-девица одну ягоду и смотрится в зеркало: «Что, — говорит, — поседела, постарела!» — Забранилась на служанку: «Что ты, подлая, со мной сделала?! Я теперь старуха стала! Меня не примут в Сеноте!» — Служанка говорит: «Съешь другую — не лучше ли будет тебе?» — Съела она другую — полезли из нее рога и горба. Потребовала она дохтуров — дохтура ничего не могут с ней сделать. Наконец, она обещанье дала: «Кто бы меня вылечил, за того я и взамуж пойду! Дайте знать по всему царству! Хоть бы пришлой какой-

нибудь вылечил».

Молодец узнал это дело, съел старого положения ягоды и сделался стариком. В дом к ней приходит и говорит: «Я тебя вылечу. Что ты мне — как заплатишь или обвет у тебя какой?» — «Дедушка, если ты меня вылечишь, я за тебя замуж пойду!» — «Подпишись под это дело!» — Та подписалась. Он подает ей ягоду. — «Да ты что мне подаешь? Еще хуже буду?!» — «Ешь, — говорит, — хорошая будешь!» Она съела и сделалась лучше старого, красивая сделалась: здрел бы глядел и с очей не спушал. — «Пойдем в Сенот: закон дозволит ли с тобой венчаться?» (Взад пятки уж!) — В Сенот приходит, она и говорит: «Господа судьи! Вот старик меня вылечил, я ему подписалась, чтоб с ним замуж идти; закон дозволяет ли, чтоб с ним венчаться?» — Господа генералы и говорят: «Если, государыня, ты повенчаешься, мы тебя не поставим в царицы, потому что муж у тебя будет старый, семьдесят лет! Ты его рассчитай деньгами лучше!» — А старик деньги не берет: «Ты обвещалась за меня замуж, мне деньги не надо!» — «Когда деньги не берешь, мы тебя отсюда не погоняем; а ты, царица, ступай домой!»

Когда она пошла домой, он вынимает из кармана золотую кисть и говорит: «Когда была ты девица, исправься ты теперь кобылица! А вы, генералы, когда были молодцы, теперь исправьтесь все жеребцы!» — Махнул своей кистью — и они все исправились жеребцами. Садится на эту кобылу, а жеребцы за ним побежали. Приезжает к брату в царство свое. Стал он на фатеру, не к брату (с табуном-то) наперво. Сказал: «Погоди, господин хозяин, я схожу к вашему царю: не возьмет ли у меня лошадей?» — Идет к брату, съел хорошую ягоду и сделался как быть молодцом — чтобы брат его мог признать, значит. Тогда брат увидел его, обрадовался, что брат пришел к нему обратно домой. Брат своих служащих потребовал — поставил для него живо самовар; стали чай пить.

Старшой брат и говорит: «Брат, был ты по всем городам; нет ли хорошей невесты? Я собираюсь жениться». — «Ох, брат, хорошу я тебе невесту привез, — говорит, — да она у меня на фатере». — «Да что ты, чудак, прямо не вел?» — «Есть, — говорит, — брат, у меня там еще жеребцы, не хочешь ли ты купить их у меня?» — «Веди их сюды! Что ты, чудак, там на фатеру стал?! Веди и невесту: чай пить станем вместе с ней!» (Еще как поглянется невеста-та.) — Брат пошел, отвязал кобылицу и жеребцов, приводит их к поратному крыльцу, становит всех рядом. — «Иди, брат, как поглянется ли невеста? Потом я в комнаты могу завести!» — С братом вышли на двор. —

«А где невеста?» — «Вот, брат, с краю-то стоит кобылица — вот тебе и невеста!» — «Да что ты, брат, смеешься надо мной? Разве подобает мне на кобылице жениться?! Если бы не брат был, так я бы тебе и голову сказнил за это!» — «Неужели ты не веришь, что это тебе невеста? Если хочешь, то я тебе сейчас на практике покажу, что она будет тебе невеста». — Он вынимает из карману кисть, махнул кистью и говорит: «Была ты теперь кобылица — исправься по-старому девица!» Махнул кистью: «Когда были вы жеребцы — исправьтесь по-старому молодцы, кто как был!» — Все исправились молодцами. Царь говорит: «Идите чай пить с нами теперь!» (Согластен уже замуж брать ее.) — Чаю попили, согласился он ее взять замуж, повенчался с ней, и пошла у них пировка.

Пожил он (князь этот) много ли, мало ли время, стал у брата проситься к отцу. К отцу он приезжает; отец увидал своего сына, обрадовался. Отец спрашивает: «Где вы, дети, проживаетесь?» — «Собери сегодня сродственников, знакомых, — мы с тобой попируем, тогда я тебе скажу, при людях». Нашли люди. Начали водкой обносить; пошла у них пировка. Сын отцу и говорит: «Тятенька, дозвожь мне шуточку сшутить!.. А вот, тятенька, — говорит, — брат мой живет царём в таком-то городе, а я перед ним князем!..» Вынимает свою кисть: «Вот, — говорит (мать свою): — когда была ты бабницей, исправься теперь кобылицей!» — Она кобылой и переставилась у него, мать его. Он махнул кистью — гулевана жеребцом изладил. — «Теперь ступайте, как знаете гуляйте!» — А отца увез, все запродавал, увез в свое государство.

(Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева)

Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. Москва. Изд. "Правда", 1991.

Читайте также русскую народную сказку "[Пора](#)".